

Галина Бочарова

**АРИФМЕТИКА
ДИЛЕТАНТА**

Курильский детектив

Галина Бочарова

**Арифметика дилетанта.
Курильский детектив**

«Издательские решения»

Бочарова Г.

Арифметика дилетанта. Курильский детектив / Г. Бочарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969868-1

Детектив, чей сюжет разворачивается на фоне экзотических красот Курильских островов. Присланный из Петербурга эксперт по медицине предпринимает попытку расследовать дело убитого геолога. Ему предстоит пройти трудный путь как в прямом, так и переносном смысле. Кажется, против него ополчились все: природа, люди и даже собственное чутье. След убийцы находится на вершине полупотухшего вулкана, где идет добыча рения — крайне редкого и очень дорогого металла...

ISBN 978-5-44-969868-1

© Бочарова Г.
© Издательские решения

Содержание

Арифметика дилетанта	6
Курильский детектив	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Арифметика дилетанта Курильский детектив

Галина Бочарова

© Галина Бочарова, 2019

ISBN 978-5-4496-9868-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Арифметика дилетанта

Курильский детектив

У меня никогда не было друзей. Так, чтобы по-настоящему. Думаю, причиной этого стал я сам. Но я не люблю копаться в себе, не люблю всех этих психоаналитических штучек.

Вот почему я сейчас еду на Север – мой собственный маленький протест против фальшивых идеалов и навязанных обществом отношений. Жить в изоляции, посреди снегов с медведями и рыбаками – что может быть лучше для истрепанного стандартами цивилизации сердца? Фу, какая гнусь!

За узким оконцем иллюминатора плескалась нудная серовато-синяя полоска моря – никакого контраста с небом и туманными, как будто затянутыми дымкой береговыми очертаниями. На фотографиях Курилы выглядели куда как привлекательнее, наверное, благодаря мощи графического редактора. Я был слегка разочарован, когда предо мной вытянулась холмистая, покрытая грязной травой равнина, изрезанная, как праздничный пирог ломтями, домами и заводами. В сезон острова оживлялись. Процветающий рыбный промысел привлекал сюда сезонных рабочих: баржи, лодки, катера так и сновали вдоль акватории, курились коптильни, а два теплохода привозили с Сахалина мешки, набитые солью.

Кто-то в машинном отделении решил поприветствовать аборигенов и дал гудок, раскатившийся низким протяжным басом над сонной тишиной этих мест. Я, наконец, собрался, покинул свою каюту и выглянул на палубу. В лицо немедленно повеял холодный, пропитанный йодом бриз. Справа, за линией синих холмов, вздымалась конусовидная кривобокая гора, из чрева которой валил клубами пепельный дым. Она изрыгала его в тяжелое, влажно набухшее небо, и он плыл, воздвигая объемные башни и непрерывно меняя их очертания, словно лепил из пластилина и сторевшей древесной коры трехмерные картины.

– Ну как? Хорошо? – спросил кто-то из команды и загадочно улыбнулся.

Я кивнул и сплюнул соль и пепел непонятно как оказавшийся у меня во рту. Рядом взволнованно гомонели немногочисленные пассажиры, свесившиеся за борт и вооруженные фото и видеотехникой. Здесь, у этих пляжей из черного песка и базальтовых скал, подошло к концу наше двухдневное путешествие на теплоходе.

– Оп-пять понаехали тут! – невнятно проворчал мрачный мужик в ответ на вопрос как добраться до Горячих ключей. Он осматривал резиновую надувную лодку и я, насвистывая, присоединился к его занятию. Может из любопытства, а может, надеясь, что смогу настроить его на миролюбивый лад.

– Константино-ов! – донес до меня ветер чей-то окрик, и я вздрогнул, обернулся и, сдвинув брови, засунул правую руку в карман. Навстречу бежал рослый загорелый мужчина. Курчавая темно-русая поросль занимала, наверное, большую часть его лица, так что я видел лишь большой облупленный нос и веселые сверкающие глаза.

– Наконец-то, я вас нашел!

Слава Богу, хоть кто-то здесь доволен жизнью, я всунул ладонь в его горячую влажную руку и ощутил крепкое рукопожатие.

– Наши командировали меня еще два часа назад. Я, признаться, заскучал в машине и зашел в столовую, пропустить рюмочку.

Я сдержанно кивнул, и мы отправились к машине. Судя по внешнему виду – это была консервная банка на колесах, странно как она вообще могла передвигаться.

– А вы поездите по нашему бездорожью, – ухмыльнулся мой новый знакомец и уселся в водительское кресло – ввинтился, я бы сказал, как штопор в бутылку. – Советую пристегнуться. А до вулкана вообще несколько километров понадобится идти пешком.

– А разве мы сразу отправимся на разработку? – я нахмурился.

– Нет, конечно. Отдохните сначала, акклиматизируйтесь... Разве он куда с вулкана денется? Как лежал, так и будет лежать.

Мой собеседник легонько вздохнул.

Мы гнали по полосе отлива – странным черно-белым пескам, а справа от нас шипело пенной пастью Охотское море. Его волны силились дотянуться до колес «лендровера», размыть почву под ними и утащить машину в свою ненасытную и неприветливую утробу. Я вспотел от волнения, когда особенно мощная волна плеснула впереди, а под днищем зашуршали песок и крабы. Однако водитель, судя по всему, не испытывал напряжения, так что я тоже постарался расслабиться и любоваться видами. Тут уже никакая графика не смогла бы передать величия и мрачности белых пемзовых скал на фоне темно-синего, почти черного неба, и ощущения тревоги и звериной силы, возникающих при взгляде на них. Этот край был, как осколок параллельного мира, вышвырнутый в пространственно-временной портал, и здесь заканчивалась знакомая мне Вселенная.

Мы взяли вглубь острова и выехали на более-менее разъезженную дорогу. Вдоль невысоких столбов в три ряда была натянута колючая проволока, на которой болтался жестяной щиток. Погранзаезда, – гласила надпись, – в/ч 71436. В нескольких километрах кто-то приладил указатель: Горячие Ключи – 3 км, Курильск – 36 км, Москва – 9 581 км, Майами – 9 750 км.

– Вы с ними еще успеете познакомиться, – бородач кивнул в сторону гипотетического палаточного городка. – Если бы не они, Горячие Ключи постигла бы та же участь, что и многие села здесь. Они бы перестали существовать.

Горячие Ключи встретили нас чисто совдеповской архитектурой, частично разбавленной колоритным духом русской глубинки и следами современной цивилизации. Какая-то древняя старушенция в платке и дореволюционной фуфайке тащила по кривой дороге упирающуюся козу. Внезапно в закинутой за плечи котомке вроде авоськи завибрировал телефон. Причитая и пытаясь не упустить козу, бабка стянула авоську, выудила оттуда телефон и гаркнула, что есть мочи: «Але, Коля?!» голос Коли мы тоже отчетливо услышали – бабка, очевидно, когда-то включила громкую связь и не знала, как выключить. А может, просто не заметила...

Мужик, подпирающий плечами серую цементную стену какого-то здания, приветливо помахал нам рукой, когда «лендровер» свернул с дороги и практически въехал носом в торец дома.

– Что так поздно-то, Васильич? – осведомился он у водителя.

– Ничего не поздно, – запротестовал бородач. – Как раз к ужину.

В этот момент обитая железом дверь дома с грохотом распахнулась и на крыльцо выпрыгнул голый по пояс мужик. Его глаза были дико вытаращены, а лицо преисполнено немого ужаса. Не говоря ни слова, он скатился с крыльца и помчался куда-то за угол.

– Ну вот, опять.... – недовольно протянул Васильич и, обернувшись ко мне, заявил: – Никогда не пейте воду из горных ручьев. Она здесь насыщена щелочью и кремниевой кислотой. А-а, Любаня....

На ступеньках показалась застенчивая коротко стриженная девушка. Ее лицо было сплошь усеяно веснушками, над верхней губой темнел едва заметный пушок. Она подошла ко мне и, улыбнувшись, протянула руку:

– Люба. Григорьева.

– Ах ты, Боже мой! – встрепенулся бородач. – А ведь я-то сам за всю дорогу даже не представился. – Кононов Василий Васильевич, можно просто Васильич. Я начальник изыскатель-

ных работ. А вот это дядя Сева, наш шофер. Единственный, кто может справиться с «танковозом».

– Танковозом? – я удивленно приподнял брови.

– Да, это наша рабочая машина, – дядя Сева невозмутимо подмигнул. – Пойдем в гараж, и я покажу тебе этого зверя.

– Да погоди ты со своим зверем... Надо для начала подкрепиться.

– Кстати, тот, убежавший в кусты чудак, Петр Евсеев. Он наш техник. Голова у него варит замечательно, желудок – не очень...

Внутри дома было темно и прохладно. Под потолком горела единственная голая лампочка, чья грушевидная тень, двоясь, ложилась на стены и лицо сидящего вполборота к двери рыжеволосого человека. Он читал книгу, склонив подбородок к груди, а в его четком профиле мне чудились гордые мраморные носы древнегреческих царей и героев.

– Эксперт прибыл, – лаконично бросил Кононов, садясь за выщербленный конопатый стол. Тут же ему на колени прыгнул крупный куцехвостый кот и принялся умываться лапой.

– Приветствую вас! – рыжий захлопнул книгу и приподнялся мне на встречу. Скосив взгляд, я прочел название и ухмыльнулся.

– Константинов, – я встряхнул его руку. – Павел.

Кожа его оказалась сухой и холодной на ощупь, что доставило мне неожиданное удовольствие.

– Горохов Марк, – более незвучного сочетания имени и фамилии я не берусь и придумать. – Спасибо что почтили нас своим присутствием. Не знаю, как бы мы разобрались здесь без представителя закона.

Любаня тихо охнула. Я пожал плечами.

– Не любите полицейских? Примем к сведению!

Он вытаращился, хотел что-то резко возразить, но вдруг передумал и сжал губы в тонкую линию, так что они побелели и почти слились с кожей подбородка.

– А где же наш эксцентричный богач? – осведомился я у него миролюбиво.

– Присоединится к компании попозже, – процедил он сквозь зубы.

– Пожалуйста, садитесь! Вы, наверное, голодны? – меняя тему, пропищала Любаня и убежала куда-то, вернувшись с замызганной кастрюлей, из которой торчал половник.

«А на ужин у нас гороховый суп», подумал я неосознанно, но Любаня приоткрыла крышку, и в нос ударил ядреный специфический аромат вареной рыбы.

– Надеюсь, вы любите уху? – робко поинтересовалась она, а Васильич громогласно расхохотался и прокомментировал:

– Итуруп, Итуруп... С рыбой чай, с рыбой суп!

Рыжий от ужина отказался и вновь засел за свою книгу. Дядя Сева накрошил черного хлеба в желтоватую жижу, поддернутую янтарной пленочкой жира, и принялся уплетать за обе щеки так, словно сутки не ел.

– Завтра ранний подъем – в пять часов, – предупредил Васильич. – Северо-восточный склон вулкана более пологий, чем юго-западный, но весь зарос кедровым стлаником. Его придется преодолевать пешком. Вся аппаратуру и необходимые вещи тащим в рюкзаках за плечами, так что берите по минимуму. Высота приличная – примерно 986 метров, и идти будет тяжело.

Я почувствовал противную слабость в ногах. Не переоценил ли я свои силы, когда двинул на край мира в поисках морального убежища?

Мой рассеянный взгляд ткнулся в лицо рыжеволосого красавца, выражавшее предельную степень злорадства. Мною овладела ярость.

– Отлично, – кивнул я. – Люблю пешие прогулки в горы.

– Снаряжение лучше проверьте с вечера. Мало ли что.

Лампочка под потолком колыхнулась от порыва ветра, ворвавшегося в дом через распахнутую дверь. Я удивился, отметив, что на улице уже стемнело. Да, сумерки наступали здесь внезапно.

– Здравствуйте! – голый по пояс мужик больше не выглядел дико, наоборот, на него снизошло умиротворение. Вспомнив о его проблеме, я на всякий случай спрятал правую руку за спину.

– Однако, я себе чуть зад не отморозил, – сообщил он присутствующим, плюхнувшись на свободное место. – А еще лето!

– Цыц! Неженка! – прикрикнул на него Васильич. – Здесь кое-кто вообще с юга приехал.

– Это с какого? – полюбопытствовал техник с плохим желудком. Презрев все нормы санитарии, он руками отломил изрядный ломоть от хлебной ковриги и тут же запхал его в рот. Я понял, почему его пищеварительный тракт бунтовал время от времени.

– Я родом из Крыма, – любезно ответил я и внезапно решил, что уху точно не доем. Appetit как-то испортился. – Хотя уже давно живу в Питере.

– Ого-го! – присвистнул Петр. – А тоже, кстати, с юга. Из Москвы.

Он расхохотался, покачиваясь на табурете, и гоготал так долго, что Васильич и Любаня тоже заулыбались.

– Ладно, хорош, – оборвал его начальник изыскательных работ. – Пора отправляться на боковую. Завтра, – он сделал паузу и выдал великолепный зевок, – вставать в рань несусветную.

Танковоз дяди Сева оказался военным грузовиком, переделанным по подобию бронемашины. Армированные покрышки, стальная коробка, скрывающая двигатель и топливный бак, на окнах – съемные щитки из такого же сплава, бронированный кузов и электрическая лебедка на переднем бампере. Последнее, чтобы вытаскивать машину из трясины, пояснил ее бессменный шофер, сосредоточенно ворочая баранку. Видимость из-за плотного тумана и сумерек была нулевая, мощные прожекторные фары едва ли освещали путь на два метра впереди колес, но дядя Сева чувствовал себя вполне уверенно. Я занял место на втором сидении, а между нами втиснулась Любаня. Остальные с оборудованием и походным снаряжением забрались в кузов, сообщающийся с водительской кабиной переговорным устройством наподобие интеркома.

– Чувствую себя внутри этого грузовика, как в бронезилете, – признался я. – Где вы его взяли?

– Военные в карты проиграли. Их генерал мастак в покер резаться да и выпить любит, – дядя Сева с нежностью похлопал по баранке. – А ведь я сам его усовершенствовал, практически в одиночку.

Я уважительно присвистнул.

– Ничего себе!

– Да. Рельеф здесь каверзный: провалы, броды, глина, острые скользкие камни, так что в пору иметь шины с присосками... По какому только бездорожью я не ездил.

– Да, дядя Сева, вырулит там, где другой безнадежно застрянет, – подхватила Любаня. – Для нас это очень важно: снаряжение весит чуть ли не тонну. Впрочем, вы помогли в погрузке... Помните?

Да уж. Я помнил. Мысль о том, что вскоре большую его часть придется тащить на себе, не радовала.

– Я слышала, что вы добровольно вызвались на это задание, – робко заикнулась девушка, невзначай наступив на большую мозоль. Мое прошлое стало натоптышем и не доставляло мне ничего, кроме хлопот и неприятных воспоминаний. – То есть, я хочу сказать, здесь жизнь не сахар... Странно. А у вас ведь была успешная карьера. То есть хорошее место... Я имею в виду, что это не типичный поступок... э-ээ, в сложившихся обстоятельствах.

Она смешалась и покраснела. Это мне понравилось. Через пару дней она будет считать меня пренеприятнейшим типом, холодным, равнодушным, циничным... Но пока ее мнение обо мне не сформировалось, я мог выглядеть даже героем.

– Захотелось сменить обстановку, скажем так, – неопределенно ответил я и замкнулся. Пришлось ей довольствоваться этим скупым ответом.

Меж тем мир за толстым стеклом просветлел, и я увидел, что мы вновь едем по черно-белому песку, удивительно плотному и блестящему. Своим цветом и фактурой он был обязан титаномагниевому сплаву, выветренному из вулканических скал в виде мелкого дисперсного порошка. Крики чаек, реявших несметными толпами над морем, оглушали нас. На каменных, омытых соленой водой гольшах, я увидел тушу крупного кашалота. Она уже начала гнить с головы и была обсижена стаями птиц. Солнце восходило по левую руку от нас, пронзая длинными лучезарными снопами света плотный слой облаков и начинающий рассеиваться туман.

– Там, впереди... что это? – я подался к лобовому стеклу, силясь различить очертания какого-то крупного зверя, вышедшего перед нами на дорогу.

– Медведь, – просто ответил дядя Сева. – Их здесь, как в зоопарке. А это, видимо, матуха. Глянь, два медвежонка следом бегут.

Мать стояла на задних лапах, окутанная полупрозрачной белесой дымкой и нюхала воздух. Ее обвисшее брюхо было отмечено четырьмя вытянутыми сосками, к одному из которых тянулся смешной косолапый мишка. Она обнажила клыки в едва слышном рыке и двинула малышу по уху. Он упал, заревев во весь голос, а медведица внезапно рухнула на все четыре лапы и пустилась наутек. Малыши побежали следом.

Ожили и затрещали динамики интеркома.

– Не дайте ему заморочить вам голову, – раздался голос Евсеева. – Дядя Сева любит поохотиться в одиночку, но и байки слагать горазд. Свидетелей нет: правда его подвиги али красивая выдумка?

– Помолчи, Евсеев, – скривился шофер. – Я могу попасть в крошечный кружок, нарисованный на пустой жестянке с расстояния в сто шагов. А ты, слепыш, даже жестянки не увидишь.

– Это я-то не увижу? – обиделся Евсеев. Он мрачно шмыгнул носом. – Ну да, не увижу. Попробовал бы ты с мое посидеть за компьютером. А я, между прочим...

Он вдруг умолк, и в напряженной тишине слышалось только его частое прерывистое дыхание.

– Останови машину, – потребовал он спустя несколько секунд.

– Чего? – не понял дядя Сева.

– Ой, не могу!... Останови машину.

Дядя Сева резко ударил по тормозам, так что ремни больно врезались в мою грудь, а Евсеев, бормоча что-то невнятное, с грохотом ударил в заднюю дверь и спрыгнул с грузовика.

– Ну вот, опять штаны потерял!.. – обреченно вздохнул кто-то в кузове. – Говорил, не надо его брать...

– Не, ну как мы без него... Он же все-таки голова...

Примерно через полчаса Евсеев вернулся.

– Ты что?! – набросился на него Васильич. – Еще дольше посидеть не мог?

– Я долго искал..., – оправдывался техник.

– Что именно? Подходящую скалу? В следующий раз приспичит – бери горшок. Мы ради тебя не будем делать такие длительные остановки. Ну, поехали!..

Васильич крепко стукнул по кабине, и танковоз послушно заурчал, разбрасывая под колесами черную грязь.

Еще через полчаса туман рассеялся окончательно, и я увидел, что характер местности претерпел значительные изменения. Теперь танковоз переваливался по заболоченной низине: под колесами хлюпало и чавкало, и оглушительно стрекотало, а от яркого сочного разнотравья

рябило в глазах. Мы вламывались в кустарниковые заросли каких-то древовидных лиан, пугая стаи крылатых насекомых, и они взмывали в уже по-летнему солнечное небо, сверкая радужными крыльями, изумрудной, сапфировой и темно-красной надкостницей. Кое-кто из них с громким хрустом падал на капот, давая рассмотреть свои кофейного цвета усы и фасетчатые, темные, как ртуть, глаза, затем возился, примерялся и с трескотней и жужжанием взмывал ввысь, словно маленький вертолет.

А затем и солнце, и пестрый ковер зелени, и разноголосый хор обитателей низины, исчезли так внезапно, словно сменили слайды в калейдоскопе, и танковоз вновь очутился на узкой полоске из черно-белого песка. С двух сторон на него грозно надвинулись неистовые стихии: Охотское море и Тихий океан. Ветер ударил о стекла моросью и мелкими градинками, коварные полосы змеевидного тумана, вяло текущие со стороны океана по низине, обрамленной сопками, облепили нас, лишив зрения, и дядя Сева был вынужден сбросить скорость.

– Здесь всегда так, – почему-то шепотом пояснила Любана. – Это Ветровой перешеек. Мы уже прошли часть пути.

Ее каштаново-рыжие брови стали мокрыми, веснушки резче выступили на лице. Я кивнул и поднял стекло, чтобы она не мерзла.

Машина миновала проржавевшие танковые башни на бетонных кубах, оставшиеся здесь со времен гражданской войны, и стала взбираться вверх по склону. В небе громынуло и тут же, без всякого предупреждения, обрушился ливень. Он омывал хлесткими потоками стекла, так что дворники не справлялись с нагрузкой. Правое заднее колесо забуксовало, с натужным скрежетом пытаясь вырваться из ямки и разбрасывая далеко летящую грязь.

– Ы-ы. . . – сказал дядя Сева, налегая грудью на руль. А потом еще раз: – Ы-ыы!

– Ничего не получится! – крикнул Васильич в кабину. – Надо вытаскивать.

– Я пойду, – вызвался рыжеволосый. – Дайте мне плащ.

Где-то сзади хлопнула дверца, и за мутным, в пенящихся разводах стеклом, я увидел сгорбленную тонкую фигуру. Ветер смял дождевик в складки, влажный полиэтилен облепил тело, и Горохов стал похож на тающего снеговика. Он вцепился в бампер и как будто что-то оторвал от него. Это был крюк на стальном тросе, который начал мерно разматываться вслед за уходящим Марком. Сидя в кабине, мы могли ощущать вибрацию и тонкий жужжащий звук. Затем внезапно все стихло. Две-три минуты, в течение которых он должен был дойти до какого-нибудь подходящего дерева и просигнализировать, чтобы дядя Сева выключил лебедку, минули. Марк не шел. Серая тьма впереди была по-прежнему непроницаема.

– Что-то случилось, – обеспокоилась Люба.

– Подождем еще чуток, может быть, он крепит трос, – Васильич нахмурился и всосал в себя изрядный пук курчавых волос.

– Я проверю, – не знаю, зачем я сказал это. Мне отнюдь не хотелось очутиться под холодным душем и балансировать над пропастью на скользких камнях. Но я открыл дверцу и выскочил наружу. Дождь тут же плеснул мне за шиворот и промочил до нитки. Только носки в ботинках еще оставались сухими.

Положение машины было незавидным. Она застряла меж камней, опасно накренившись к обрыву, а ее правое колесо, выскочив из каменной щели, висело в воздухе. Сталь корпуса, украшенная в два ряда шляпками гвоздей, блестела, омытая дождевой водой, словно зеркало. Нет спору, зрелище было красивым, но погодные условия не те, чтобы любоваться. Поэтому я просто развернулся и пошел искать Марка. Он стоял, обхватив руками тощее кривое дерево, и даже не обернулся, когда я позвал его по имени. Приблизившись, я увидел, что левая рука Марка попала в расселину в стволе дерева и застряла в ней намертво. Кровообращение нарушилось, и кисть покрылась пугающей синевой. Трос он уже успел закрепить, плотно вогнав крюк в черную разбухшую древесину у самого основания разбитой молнией березы. Каким же образом ладонь его оказалась зажатой на метр выше установленного крепления, оставалось

загадкой. Я крикнул ему, чтобы он не шевелился и попробовал выдернуть руку, ухватившись за нее повыше кисти. Он вскрикнул от боли, потому что щепы вонзились ему в плоть, и из пореза выступила кровь. Разбавленная водой, она приобретала приятный розовый цвет и, пенясь, сбегала вниз по рукаву полиэтиленового плаща. Наконец, я сообразил воткнуть в расщепленный ствол рычаг из валяющейся рядом суковатой палки, и изо всех сил налег на него. Трещина в дереве разошлась, и Марк смог выдернуть руку.

– Порядок! – прохрипел он, потому что на большее был не способен. Уходим, хотел сказать я рыжику, но оступился на скользком гольше, и грандиозный удар потряс мою челюсть, неожиданно и мощно соприкоснувшуюся с каменистой почвой. Зубы, кровь и ошметки кожи я оставил сверху, а сам ухнул вниз по склону, увлекаемый маленьким селевым потоком, швыряющим с боку на бок мое неуклюжее тело и дробящим мои ребра.

Падая, я пытался зацепиться о выступы, но только поранил пальцы. Затем неожиданно рухнул в кусты и застрял. Мне повезло, внизу, метрах в двух от того места, где я сидел, виднелся небольшой карниз шириной в ладонь. Если бы не кусты, я бы запросто пролетел мимо, а катиться вниз, насколько я мог судить отсюда, пришлось бы еще довольно долго.

Попробовав пошевелить членами, чтобы убедиться, что все кости целы, я ойкнул, от резкой боли, прострелившей правую ключицу. Шея ворочалась с превеликим трудом.

– Э-эй! Ты как?!.. – я поднял лицо, приняв на себя очередную порцию воды, грязи и мелких камней, а, проморгавшись и вытряхнув мусор из волос, рассмотрел встревоженную физиономию Марка, склонившуюся над обрывом. Он лежал, прижавшись пузом к земле, и уцепившись для баланса руками за зыбкие валуны.

– Замечательно! – съязвил я. Челюсть моя уже начала распухать. – Еще бы чашку кофе сюда. А то я как-то продрог...

Он ухмыльнулся.

– Вытащи машину, и подгоните ее поближе к пропасти. Затем сбросишь мне трос....

Он на миг исчез, как оказалось, чтобы прыгнуть на ноги. После чего его обернутая клеенчатым капюшоном голова вновь замаячила на фоне сизых туч, в потоках воды, низвергающихся с неба. Он не двигался. Он пристально смотрел куда-то за мое плечо. Начиная терять терпение, я обернулся и обомлел. Из грота в нижней части скалы торчала косматая медвежья голова. Зверь недовольно поводит носом, фыркал, когда капли брызгами разбивались о морду и постепенно вытаскивал свое могучее, но худощавое тело на свет божий.

– Марк, у тебя есть оружие? – завопил я с ужасом. – Беги за ружьем! А лучше приведи дядю Севу!

Но он, казалось, не слышал. Просто стоял там и пялился, засунув руки в рукава.

– Да ты оглох, что ли?! – задохнулся я возмущением. Кроме того, я начал нервничать, потому что медведь уже подошел к карнизу и с явным любопытством его исследовал.

Тогда он встал на одно колено, и я увидел, как зашевелились его губы. Он что-то говорил.

– Да иди же!.. О Боже!

Страх сменился яростью. Согнув руку в локте, я уперся им в ветку и развернул корпус так, чтобы оказаться лицом к пористому шершавому камню. Нашупать ногой небольшой выступ здесь и схватиться рукой за вон ту гряду, выщербленную в известняке непогодой. Еще немного подтянуться и оказаться на метр ближе к козырьку, прижаться щекой и грудью к камню и сместить вес тела на правую сторону... Ключицу снова прострелило, и я застонал, почти захныкал от бессилия, злобы и страха. Дайте только добраться до верха, и я выбью отропь из этого растерявшегося рыжеволосого красавца. Превозмогая лому в шейных позвонках, я задрал голову, желая сообщить ему о своих намерениях. И вот тогда... Кровь бросилась мне в лицо. Он улыбался. Перед глазами медленно всплыло название книги, которую он читал в памятный день нашей встречи, и я похолодел. Спиной я уже чувствовал, как остры камни у подножия скал – лучше прыгнуть, чем позволить зверю рвать живьем твою плоть.

– Помогите! – прошептал я, жарко дыша в холодный влажный камень. – Помогите....

Отчаяние охватило меня. Словно чья-то невидимая рука выросла в груди и, растопырив пальцы, пыталась выбраться наружу, комкая сердце и легкие, так что кровь бешено пульсировала с сосудов от напряжения и в голове помутилось.

Там наверху раздался какой-то шум, затем чей-то испуганный голос произнес:

– Ну и ну!

Это был Васильич. Клянусь, он выглядел просто божественно! Внутри сразу потеплело, руки стали мягкими, ватными, а глаза жгло. Я не сразу понял, что это слезы.

– Держись! – крикнул он мне. – Я сейчас сбегаю за тросом!

– И ружье прихвати! – прохрипел я, глянув со злорадством на Марка. Тогда этот нахал ободряюще мне улыбнулся!

Вот погоди.... Когда я исследую останки, я найду способ доказать... ведь не может быть, чтоб ты не оставил следов!

Я обвязался веревочным тросом, а они стали тянуть. Я карабкался, отталкиваясь руками и ногами, но то и дело терял центр тяжести, ударялся о камни коленками, боком, ободрал штаны, но наконец-то выбрался.

Обняв землю, я какое-то время лежал под проливным дождем, затем встал и изо всей силы съездил Марка по уху. Он шлепнулся в лужу, а я стоял и с наслаждением любовался грязью на его плаще и волосах.

– Ты что? – изумился Васильич. Остальные, судя по выражению их лиц, думали, будто я чокнулся от пережитого.

– Этот негодяй пытался меня убить! – заявление было серьезным, особенно из моих уст. Ведь я как-никак представитель закона.

– Он видел, что я нахожусь в смертельной опасности, но даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Я видел улыбку на его роже!

– Тебе пригрезилось, – он поднялся и спокойно отряхнул плащ. – Я просто оценивал ситуацию.

– В самом деле? – ядовито наподдал я. – Для тебя она сложилась просто идеально.

– Что вы имеете в виду? – резко спросила Люба.

– Он знает, – буркнул я.

Невинность и недоумение, отразившееся на лице Марка, были сродни какой-то ангельской безгрешности. Даже вываляв его в грязи, я не смог запятнать его святости, а лишь очернил самого себя. Он чуть вздохнул и покачал головой, мол дядя полицейский просто сильно стукнулся башкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.